

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1

Облака за окном тяжелые, пышные, кучевые, будто вата взбитая, выкрашенная в пасмурно-синий цвет. Вроде бы и гроза собирается, молния может сверкнуть, но сквозь расщелины в облаках прорезаются солнечные лучи. Нечто подобное происходило и с генералом Соболевым: брови его хмурились, взгляд становился тяжелым, но надолго его не хватит, вот-вот взгляд просветлеет. Но пока что Соболев смотрел на подчиненного угрюмо, грозно. И кивал, оценивая его внешнее и внутреннее состояние.

А подполковник Малахов, надо сказать, выглядел неважно. Отечное лицо, мешки под глазами, дряблые щеки... Долгий запой давал о себе знать.

Генерал вдохнул, собираясь что-то сказать, но качнул головой. Да уж, разочаровал его подполковник Малахов. Личное поставил выше общественного, потерял интерес к службе, запил. Не ожидал генерал Соболев от него такого, не ожидал. Сам-то он образец для подражания: модельная прическа,

новенький, с иголки, мундир — напаренный и отглаженный, шитые золотом звезды на погонах.

Артем кивнул, мысленно соглашаясь. Он ведь не жил последнее время. Стелла погибла, и жизнь остановилась.

Соболев снова втянул в легкие воздух, но и в этот раз ничего не сказал. Он, конечно, все понимал, но служба — это прежде всего дисциплина. А уклонение от службы — это еще и преступление. Словом, подполковник Малахов достоин примерного наказания.

Артем вздохнул. Он осознавал и раскаивался, но пощады просить не будет. Если уволят, значит, так тому и быть. И если разжалуют, обижаться не будет.

И снова генерал резко набрал в легкие воздуха.

— Но в то же время с задачей ты, Артем Иванович, справился!

Малахов обнадеженно глянул на него. Если на «ты» и по имени-отчеству, значит, гроза миновала.

— Порядок на новом месте навел... И замену себе подготовил. Майор Груздев неплохо справляется с обязанностями начальника отдела.

Малахов кивнул. Майор Груздев — его надежда и опора. С ним и капитаном Павловым он прошел и огонь, и воду. Их отправили наводить законный порядок в отдел МВД, руководство которого сняли за коррупционные преступления. В такой ад они

попали, но ничего, чертей разогнали, а сами чудом выжили. Только вот его любимая женщина стала жертвой этого самого коррупционного произвола, убил ее таки Сажин. На глазах у Артема застрелил. И на него ствол навел. Спасибо двум капитанам — Павлову и Стасову, они остановили преступника в последний момент.

— Я думаю, пусть Груздев и дальше руководит отделом, — выдержав паузу, сказал Соболев.

— Да я не против, — пожал плечами Артем.

Если снимают с должности, значит, и приказ на увольнение готов. Что ж, к этому все и шло.

— А вы, товарищ подполковник, можете возглавить другой отдел, — приосанился Соболев.

Артем вскинул брови: и вопрос во взгляде, и удивление.

— Трудный участок?

— И опасный... — кивнул генерал. И немного подумав, добавил: — Очень опасный.

— Чем хуже, тем лучше.

— Ты в этом уверен?

— Уверен, — тихо, но четко сказал Малахов.

Искать спасения в алкоголе — это все равно что, подобно страусу, прятать голову в песок. Рано или поздно, но по заднице прилетит что-нибудь тяжелое. А трудный, опасный для жизни участок — это борьба с открытым забралом. И шанс выжить и выйти из трудностей с честью.

— За два года погибли три начальника отдела. Артем кивком признал всю серьезность ситуации, но ничего не сказал.

— Одно самоубийство и два несчастных случая.

— То есть убийца не установлен?

— На месте работала следственно-оперативная бригада из Москвы... Вы можете ознакомиться с материалами дела.

Артем воздержался от сарказма, хотя и мог сказать, что готов ознакомиться с отсутствием результата.

— Где ознакомиться? В Москве или на месте? — спросил он.

— Где угодно. Если вы дадите свое согласие.

— Кого я могу взять с собой?

— Кого пожелаете... Вопрос только, на какую должность, — замялся генерал.

— Я так понял, есть только одна вакансия.

— Начальника отдела. Пока только отдела... Город крупный, район большой, по своим масштабам на управление тянул, думали на два отдела разбить, а оставили один. Но жизнь идет, город растет, может, и управление будет. Межмуниципальное.

— Но пока что только один отдел.

— Пока один.

— И на должность начальника никто не хочет?

— Желающих нет, — кивнул Соболев.

— Но не трудностей же бояться.

— Не трудностей... — качнул головой генерал. — Опасностей бояться.

— Тогда желающий есть, — усмехнулся Малахов.

Видно, совсем плохи дела там, куда его сватают. Видно, сезон охоты на полицейских начальников там еще не закрыт. Поэтому действующие заместители начальника полиции отказываются занимать освободившуюся вакансию. Люди готовы оставаться на вторых ролях, лишь бы не стать жертвой «несчастливого случая». Вот и спрашивается, зачем Артему нужны такие заместители. А это значит, что кому-то придется уйти на пенсию. Были бы люди, а вакансии найдутся.

* * *

Дом невзрачный, грубый серо-бетонный дизайн, простая четырехскатная крыша из мягкого шифера, но двухэтажный, расположенный у самой реки. Во дворе навес из винограда, урожай, правда, уже собран. Начало октября как-никак. Кругом черешни, яблони, вишни, но почему-то пахнет соленой рыбой. Малахов даже глянул по сторонам, не вялятся ли на солнце балыки, но увидел только висящее на веревках белье. Много белья — простыни, наволочки, пододеяльники.

— А я тут все, что было, перестирала, — заметив его интерес, пояснила Люба.

Артем улыбнулся, глянув на нее. Не женщина, а клад. Любила Люба своего законного мужа, спала только с ним, но быт обеспечивала всей команде «варягов», с которой Малахов в свое время начал освоение Пригорьевска. Еще и преступников успевала ловить, можно сказать, целую банду киллеров подвела под приговор. И Малахову два раза жизнь спасла. Огонь-баба, майор Штанов должен гордиться такой женой, а он только вздыхал. Не хочет он видеть Любу на переднем крае борьбы с организованной и бесхозной преступностью. Но Люба его и не спрашивает. Да и подполковника Малахова она не очень-то слушается. Никто не отправлял ее в город Волговодск, сама вызвалась. Артем еще только собирался в путь, а она уже и дом нашла, и аренду оформила. Генеральная уборка, большая стирка — это само собой.

— Голову дома не оставляй, — сказал Максим Павлов, обращаясь к Стасову. — У Любы правило, все что нашла, сразу в стирку. Мозги сначала промывает, потом высушит.

Люба остановилась, повернулась к Максиму, посмотрела на него, подбоченилась, насмешливо сощурилась. Сладкая она женщина, в смысле сдобная. По возрасту ничуть не старше Павлова, но тот смотрелся мальчиком по сравнению с ней. Кожа

у нее гладкая, чистая и нежная, как у девочки, лицо пышет здоровьем, а роскошная грудь — жаром. Пышная она женщина, кровь с молоком. Но женщина. Слишком уж много в ней бабского для девушки. Серьезная дама, высокая, статная, основательная, эталон красивой пышной женщины.

— Когда-нибудь ты забудешь свой язык!

— А язык она выгладит.

— Утюгом!

— А как наша Люба готовит! Пальчики оближешь! — улыбнулся Павлов.

Малахов усмехнулся, глянув на подчиненного. В Пригорьевске Макс руководил уголовным розыском и мог занять освободившуюся должность заместителя начальника отдела, но нет, он рискнул своей карьерой и отправился на новое место вместе с Малаховым. Пока что на должность старшего оперуполномоченного уголовного розыска.

Молодой он совсем, капитан Максим Павлов, двадцать семь лет недавно исполнилось. На вид холеный тепличный мальчик, на поверку — молодой волкодав с острыми зубами. Мама в своих мечтах видела его музыкантом или профессором, а Максим после школы поступил в Академию МВД, из романтических, конечно же, побуждений. Служба закалила характер, развила мышление, в общем, из него вышел отличный опер. Внешность у него приятная, даже слащавая, таких ребят порой на-

зывают пряниками, но на вкус его лучше не пробовать, зубы можно сломать.

— Балыком пахнет, — втягивая ноздрями воздух, с затаенными нотками восторга в голосе сказал Стасов. — Осетровым.

Малахов сощурился, глядя на него. Стасову двадцать восемь лет, опер он молодой, но бывалый. И далеко не дурак по части думать. Он знал, что нижняя Волга славится осетром, потому и не побоялся уточнить. Но, может, он на самом деле отличал запах одной рыбы от другой? На Волге водятся еще и щуки, и судаки, и лещи, всего и не перечислишь.

Неплохой он парень, Егор Стасов. Черты лица правильные. Спортивного телосложения, кость крепкая, тяжелая, в нем чувствовалась даже не мужская, а мужицкая сила, близкая по своей природе к богатырской. Он служил в Пригорьевске под началом подполковника Сажина, который, враждуя с Малаховым, в конце концов застрелил его Стеллу. Раньше Артем не доверял Стасову, считал его засланным казачком, а парень из кожи вон лез, чтобы разубедить его в этом. И ведь не подвел, прошел все выпавшие на его долю испытания. Мало того, сам вызвался ехать с Малаховым на новое место службы. Сказал, что теперь ему точно нет смысла играть на чьей-то стороне.

— Осетринка, осетринка! — заулыбалась Люба, поворотом головы показывая вправо, где за шта-

кетным забором, усиленным высоким колючим кустарником, стоял одноэтажный дом из красного кирпича. — Дмитрий Сергеевич по этой части большой мастер! Рыбка у него, м-м!.. Мы взяли пару балычков!

— Пару балычков, пару бочонков пива! — блаженно улыбнулся Макс.

— Пиво с тебя!.. — Люба навела на него два сложенных вместе пальца, как будто пистолет нацелила.

— Ну так я уже! — Макс вопросительно глянул на Малахова.

В Астраханской области тепло, солнечно, да и намаялись они порядком, пока доехали. Всю ночь, считай, за рулем, каждый на своей машине. Сейчас бы пивка да на боковую. Только вот пить Артем не будет. Он ведь слово не столько Соболеву дал, сколько самому себе. Не поймут его подчиненные, если он даст слабину.

— Свернешь на Дзержинского, там через два квартала магазин, пиво на розлив!.. Хорошее пиво! — Люба вдруг перестала улыбаться. — Наш товарищ майор уже оценил!

— Кстати, а где наш товарищ майор? — спросил Малахов.

Майор Штанов отправился в Волговодск вместе с женой, он при ней, а не она при нем. Люба вышла встречать гостей, а Юрия Дмитриевича не видно, не слышно.

Но стоило только вспомнить о нем, как он появился. Причем при полном параде. Начищенный, наглаженный, полотно фуражки натянуто, как кожа на барабане. Сама фуражка смотрелась, как гребень на голове у бойцовского петуха. Мужчина Штанов упитанный, с брюшком, щечки у него сытые, но в форме он заставлял себя подбирать живот и задирать голову. Свежий огурчик на грядке.

— Ух ты! — Люба сама залюбовалась мужем.

Она-то думала, что Штанов все еще отсыпается после пивной вечеринки, похмельный и помятый. Но нет, с появлением начальства Юрий Дмитриевич поднял себя по тревоге. И уже в полной боевой. Пуговицы блестят, бритвенной остроты стрелки на брюках радуют взгляд, еще бы оркестр с фанфарами.

А ведь не так давно тогда еще капитан Штанов охотился на Малахова, пытаясь уличить его в коррупции. Охотился так рьяно и нелепо, что сам Соболев пожелал видеть их вместе — на том самом фронте борьбы с оборотнями в погонах. И надо сказать, Штанов проявил себя, из мокрой курицы превратился в кабинетного орла. Более того, не стал возражать, когда Люба повела его в очередной поход вслед за Малаховым с его «варягами».

— Товарищ подполковник, майор Штанов!.. — Юрий Дмитриевич приложил руку к козырьку.

Он очень обижался, когда его фамилию произносили с ударением на второй гласной. Первое время именно так его и называли, но это уже в прошлом. А кто вдруг забудется, он напомнит.

— Что, майор Штанов? — улыбнулся Малахов.

Он видел, что Юрий Дмитриевич не собирался рапортовать по полной. Обычно Артему хватало одного лишь бодрого начала рапорта, а сейчас ему вдруг захотелось слегка подразнить подчиненного. Но доклад закончила Люба.

— Майор Штанов просыхал после пива, — хмыльнулась она. — Докладывает, что просох!

— Можно гладить? — улыбнулся Стасов.

— Утюгом. Против шерсти.

— Может, лучше пивка холодненького? — спросил Малахов. — За встречу!

— Пиво хорошее, — кивнул Штанов. — А рыба браконьерская!

— Зато вкусная. И недорого, — хмыкнула Люба.

— А рыба браконьерская! — взглянул на нее Штанов.

— Уговорил! — фыркнула она.

— Будем работать, — без улыбки сказал Малахов.

На самом деле проблема серьезная, даже более чем. Артем работал с документами, изучал досье на своих предшественников, ознакомился с материалами следствия. Полковник Земский застрелился

в своей квартире, подполковник Хохлатов умер от отравления алкоголем, у майора Чиркова случилась острая аллергическая реакция, сам он оказать себе помощь не смог, а рядом, как назло, никого не оказалось. Но все это официальные версии, в которые никто не верил. И дознание проводилось, и уголовное дело возбуждалось, и следственная бригада из Москвы приезжала, а только версии о насильственной смерти не подтвердились. Преступники, что называется, сработали чисто, не оставив следов. Это указывало и на профессиональный уровень убийц, и на не менее высокий статус их нанимателя.

Под подозрение попадал некто Борщовников Вячеслав Евгеньевич, криминальный авторитет, в сферу интересов которого входила черная икра. Ему даже предъявили обвинение и какое-то время держали за решеткой под следствием, но в конце концов он оказался на свободе. Не нашлось смельчака, который смог бы удавить этого ублюдка или хотя бы пропустить его через пресс-хату.

— Завтра и начнем, — сказал Малахов. — А сегодня отдыхать... Банька есть?

— Баньки нет! — развела руками Люба.

— Плохо.

— Ванная есть. И вода горячая!.. Все удобства!..

— Сойдет.

— И река под боком. Река, рыбалка!

— Хорошо.

Артем вошел в дом. Действительно, все удобства. Приличная отделка, обстановка. И места всем хватит, даже останется.

На кухне уже пахло борщом, жареным мясом и соленой рыбой. Но Максим с пивом еще не подъехал, Люба же только собиралась накрывать на стол. Артем вышел из дома, через огород спустился к реке. Стасов за ним.

Волговодск стоял, можно сказать, на слиянии двух рек, дом, который сняла Люба, выходил на Недвигу. Река в устье широкая, но тихая, спокойная. И незаболоченная, камыш растет только на берегу, в воде совсем чуть-чуть. Берег не очень высокий, обрывистый. От яра к заплёску вела крутая обрывистая тропа, а над водой стелился дощатый причал с пришвартованной к нему лодкой. Обычный деревянный ялик с уключинами для весел.

— Видать, Дмитрия Сергеевича лодка, — произнес Стасов, кивком указав на дом, у хозяина которого Люба разжилась балычком.

— Не похожа на браконьерскую.

— А кто ж браконьерскую лодку так просто бросит? Там такие байды, до ста в час разгоняются. Попробуй обгони!

— Осетр, белуга, стерлядь, — кивнул Малахов.

Взять бы сейчас удочку, насадить червя на крючок, и неважно, что там попадется, крупный лещ

или мелкий пескарь, лишь бы клевало. Лишь бы ощутить приятную дрожь в удочке, на леске которой бьется добыча. А запрещенный лов рыбы интересует его как начальника отдела полиции, в задачу которого в том числе входит борьба с браконьерством.

— Люди гибнут за икру, — сказал Стасов, вынимая из кармана пачку сигарет.

Малахов как раз смотрел на темный топляк метрах в тридцати от берега. Полузатонувшее бревно медленно плыло по течению реки. Или коряга. По форме чем-то напоминающая человека. Голова, волосы, верхняя часть спины, куртка с воротником.

— Ты думаешь, это человек? — нахмурился Артем.

— Где человек?

— А ведь это не топляк, — покачал головой Малахов. — Это утопленник!

По реке действительно плыл мертвый человек. Из воды выглядывала только верхняя часть тела, голова затылком вверх, плечи. Именно в таком положении всплывают утопленники. Артем очень хотел ошибаться. Не успел появиться, и началось. Может, это предупреждение, что зря приехал? Может, сам Борщевик черную весточку отправил.

— Ну да, похоже на то! — всматриваясь вдаль, закивал Стасов.

— Ну чего стоим? Давай за веслами!

Стасов кивнул, сошел с помоста и, набирая ход, направился к соседскому дому. Малахов вынул смартфон, открыл карту, сориентировался на местности. Рано еще звонить в полицию, еще не совсем ясно, что плывет по реке, может, на самом деле обычный топляк. Смеху потом будет. Но если труп, нужно объяснить дежурному, как добраться до места.

Стасов не заставил себя долго ждать. Принес весла, полез в лодку, вставил в уключины одно, затем другое.

— У хозяина не спрашивал, — сказал он. — Смотрю, возле калитки лежат. Взял, а чего время терять?

— Время терять нечего, — согласился Малахов.

Течение медленное, но утопленник все же потихоньку плыл вниз по реке, почти незаметно смещаясь к берегу. Так понемногу и уйдет в Волгу, если снова не ляжет на дно. Или к берегу не прибьется.

Лодка старая, но воды на дне почти нет. Или хорошо просмоленная, или лодкой недавно пользовались, вычерпав из нее воду. Лодку отвязали, отшвартовались, Стасов взмахнул веслами.

Увы, Артем не ошибся, по реке действительно плыл покойник. Черные волосы, синяя кожа, жуткие трупные пятна, джинсовая куртка, на шее петля с обрезанной веревкой. В лодку тело загруз-

зили с трудом. Труп тяжелый, разбухший от воды, слизкий, но делать нечего. Взялись за гуж...

— Не знаю, кто это сказал, но, кажется, пираты. Кому суждено быть повешенным, тот не утонет, — с усмешкой сказал Стасов.

— Значит, или не вешали, или не тонул.

— Могли сначала повесить, а потом уже в воду.

— Разберемся.

Малахов набрал номер полиции. Представляться не стал, просто сообщил о трупе с признаками насильственной смерти, объяснил, как проехать к месту. На просьбу дежурного представиться назвал первую же пришедшую на ум фамилию.

Они уже причаливали, когда появился красномордый мужчина с воспаленными глазами. Видавший виды охотничий костюм с накладными карманами, резиновые сапоги, а в руках двуствольное ружье, направленное на Малахова.

— Я вам покажу, как лодки угонять! — Он угрожающе взвел курки.

Но Малахов даже бровью не повел. Он не бравировал, смерть его на самом деле не пугала. А если пугала, то не настолько, чтобы умолять о пощаде.

— Идиот, мы из полиции! Утопленник у нас! — отпустив одно весло, Стасов pokrutil пальцем у виска.

— Опустит ружье, Дима! — сказал Малахов, вспомнив, как Люба величала рыбного соседа.

- Ну, Дима... А вы кто такие?
- Соседи. Люба рыбу вчера у вас покупала.
- А-а, Люба!

Мужчина опустил ружье, помог пришвартоваться. Но труп из воды вытаскивали без него. А тело тяжеленное, удивительно, как оно могло держаться на воде. Вдвоем еле управились, и то потому, что на дефицит физической силы никто не жаловался.

— Кто это? — с ужасом спросил Дмитрий Сергеевич.

Лицо покойника разбухло от долгого пребывания в воде, посинело, потемнело, изъеденная гнилью и водными тварями кожа сморщилась, размякла. И руки представляли собой жуткое зрелище. От воды кожа на ладони вместе с ногтями отделилась от кости, образовав самую настоящую перчатку. Обычно в таких случаях ее называли перчаткой смерти. И перчатку эту нужно срезать с руки, чтобы затем в лаборатории натянуть на кисть манекена, тогда уже можно будет провести дактилоскопию. И то не факт, что получится.

— А куртка у него охотничья, — выразительно глянув на Диму, сказал Стасов. — Камнями набили.

Артем кивнул. Куртка длинная, с резинкой по нижнему срезу. Резинку затянули, под куртку набили камней, застегнули и бросили в воду. А шнурок почему-то развязался, камни высыпались,

и труп всплыл. Несколько камней так и остались под курткой.

Возможно, для подстраховки к веревке привязали большой камень. Но тогда кто мог обрезать веревку? И зачем?.. Может, кто-то нарочно вернулся к трупу, освободил его от камней и пустил в плаванье? В расчете на то, что тело выловят. Но зачем? И кому это нужно? Вода в реке сейчас далеко не самая теплая. Да и само по себе нырять за трупом сомнительное удовольствие.

— Да нет, спортивная куртка, — качнул головой мужчина. — Цвета хаки.

— Ну, может, и спортивная, — ощупывая карманы, пожал плечами Стасов и качнул головой, обращаясь к Малахову. Нет ничего, пусто.

Малахов же вопросительно глянул на мужчину. И тот правильно понял его.

— Новая куртка, Никита ее недавно купил, в августе.

— Никита?

— Драбов Никита! — уточнил мужчина.

— Вы его знаете? — оживился Малахов.

— Ну да. Он тут недалеко живет.

— А вы Дмитрий Сергеевич... Как фамилия?

— Волчков. Фамилия Волчков!

— Подполковник полиции Малахов.

— А-а, да, да... У Любы муж, я видел, фуражка у него.

— Фуражка... — кивнул Стасов, глядя на Максима, который спускался к ним с обрывистого яра. — С кокардой.

— А Вика все в Москву звонит. — Волчков озадаченно поскреб затылок.

— Вика? В Москву?

— В Москву? — Волчков будто спохватился, резко опустил руку, как будто его застали за привычным, но неприличным занятием.

— Кто такая Вика?

— Вика?.. Ну, жена Драбова.

— Драбов должен был уехать в Москву?

— Ну, я не знаю. Знаю, что Вика извелась, ищет его.

Макс присвистнул, увидев труп, но ничего не сказал. Переглянулся со Стасовым, посмотрел на Малахова, который вел опрос.

— В полицию обращалась?

— Не знаю. — Глазки у Волчкова забегали.

— Почему?

— Почему не знаю?

— Почему не обращалась?

— Не знаю, может, и обращалась.

— А может, у вас не принято в полицию обращаться? — спросил Малахов.

— Почему не принято?

— Я так понимаю, вы, Дмитрий Сергеевич, рыбой занимаетесь?

— Ну, как занимаюсь, рыбачу иногда.

— Вы не в курсе, что вылов осетровых запрещен? — нахмутив брови, сурово спросил Малахов.

— А-а, так я в частном хозяйстве!.. Друг мой осетров на вылов разводит!..

— Кто, где, когда?

— Если честно, рыба после браконьеров осталась, — заелозил Волчков. — Иду, смотрю, плывут. Все вспоротые!.. Без икры, но еще совсем свежие! А чего добру пропадать?..

— Не убедили.

— А вы точно из полиции?

Малахов кивнул, достал из кармана удостоверение, раскрыл, показал.

— Подполковник... А Пригорьевск это где?

— Из полиции мы. А по совместительству ваши соседи, — сказал Артем, не ответив на вопрос. — И на рыбку вашу закроем глаза. По-соседски. Но только на рыбку. И то, если обещаете больше не браконьерствовать.

— Да нет, я не браконьер!.. Ну, может, иногда, чуть-чуть...

— А Драбов?

— И Драбов по мелочи.

— Вы, наверное, не поняли, Дмитрий Сергеевич. Драбов убит. Его биографию будут проверять вдоль и поперек. Вся правда вскроется. И это может поставить вас в крайне неловкое положение.

— Так я вроде как не обязан давать против него показания.

— Так и мы не обязаны относиться к вам с пониманием. Тем более что вы можете быть причастны к убийству.

— Я причастен?! — опешил Волчков.

— Ну, вы же знаете Драбова.

— Так я много кого знаю!

— Вы знали, что Драбов собирается в Москву?

— Да нет, конечно!.. Просто Вика метаться начала, в Москву звонить.

— Откуда вы знали, что Вика метаться начала?

— Подруга ее говорила.

— Но то, что Драбов мог быть в Москве, вас не удивило.

— Ну-у... — замялся Волчков.

— Дмитрий Сергеевич, вопрос очень серьезный.

— Вопрос-то серьезный... А почему вы из Пригорьевска?

— Потому что там находится центр по расследованию преступлений государственного масштаба, — не моргнув глазом, придумал Малахов.

— А это что, преступление государственного масштаба? — Волчков кивком указал на труп.

— А вы не в курсе, сколько начальников полиции тут у вас сменилось за последние два года?

— А, ну да.

— Что ну да?

— Так в том-то и дело. Опасно тут у нас. Я скажу, а меня потом тоже... сменят... Чем-нибудь тяжелым по голове.

— Если скажете прямо сейчас, никто ничего не узнает. А вот если вас вызовут повесткой в полицию для дачи показаний... — Малахов нарочно потянул паузу, нагоняя на Волчкова тоску.

— А так без повестки поговорим?

— Никто ничего не узнает, — спокойно, с уверенностью знающего человека сказал Малахов.

— Ну, в принципе вы все равно узнаете.

— Говорите, Дмитрий Сергеевич, время идет. Сейчас полиция подъедет, к вам обязательно возникнут вопросы. Если вы останетесь здесь.

— Драбов икрой занимался.

— Это я понял.

— И в Москву он шайбочки возил.

— С черной икрой?

— Да.

— Много икры?

— Точно сказать не могу... Но то, что он в этой теме глубоко, знаю точно.

— Насколько глубоко?

— Ну-у... Там у него конфликт, говорят, был.

— С кем был?

— С криминалом...

— Кто говорит?

— Кто говорит? — покривился Волчков.

— Да, кто говорит?

— Люди говорят. — Волчков и кривился, и притаптывал.

— С кем конкретно конфликт? — Малахов смотрел ему прямо в глаза, как будто вводил его в гипнотическое состояние.

— Ну-у... — замялся мужчина.

— С Борщевиком?

— Ну, как бы вам сказать... Да, с ним!.. Но это все, что я знаю! Больше ничего сказать не могу.

— Вы пока свободны, Дмитрий Сергеевич.

— Пока?.. А-а, ну да, мы же соседи... Если там рыбка нужна... И икра есть, совсем чуть-чуть.

— Дмитрий Сергеевич!

— Понял!

Волчков кивнул, развернулся и со всех ног рванул к дому.

— Это что, боевое крещение? — спросил Павлов, кивком указав на покойника.

— С корабля на бал, — усмехнулся Стасов.

— Привет от Борщевика, — глянул на него Малахов.

— Недельной так примерно давности. — Макс поморщился, давая понять, что труп дурно пахнет.

Малахов кивнул. Сама ситуация дурно пахла, но разве кого-то это пугает? И Макс держится бодро, и Егор, отчаянные парни, на них вся надежда.

Глава 2

У одного сержанта куртка летняя, у другого демисезонная, а начальник патруля и вовсе в полицейском камуфляже. И головные уборы у всех разные: у «летнего» сержанта пилотка, у «демисезонного» — фуражка, офицер — в камуфляжной кепке. Для майора Штанова такой разнобой как напильником по зубам, а он где-то рядом, в любой момент может появиться. И при полном параде, разумеется. Малахов усмехнулся, представляя Штанова в гневе.

— Значит, утонул, говорите? — сказал капитан с высокомерным видом, разглядывая труп.

Даже не склонился над телом. Малахов все ждал, когда он пнет покойника носком своего «берца». Волосы у капитана длинные, нечесанные, а поверх этой гривы кепка. Возможно, Штанов предложит этому несчастному пистолет. Чтобы он застрелился.

— Я говорил? — удивился Малахов. — Я звонил, сказал, что труп с явными признаками насильственной смерти.

— Или ты думаешь, что это у него галстук? — Павлов наклонился и тронул веревку на шее покойника.

— Или колокольчик. Для донки. — И Стасов глянул на лохматого капитана также неприязненно.

- Шутники?
- Это убийство, капитан, — сказал Малахов.
- А веревка? Я думаю, это суицид.
- Убийство.
- Так, может, вы и убили? — хищно сощурился капитан и провел пальцами по своей кобуре.
- Может, я и убил... — Малахов пристально смотрел на него.
- Та-ак! — Капитан все-таки вытащил пистолет. И его подчиненные пришли в движение. Один направил пистолет на Стасова, другой на Павлова. Малахов качал головой, наблюдая за этой сценой.
- Чтобы проверить действие оперативных служб города.
- Документы давай, проверяльщик!
- Может, не надо? — качая головой, спросил Павлов.
- Молчать! — зыркнул на него капитан. Малахов спокойно вынул удостоверение с вложенным в него предписанием.
- Сюда! — протянув руку, потребовал капитан.
- Это удостоверение сотрудника полиции, — сказал Артем, давая понять, что из рук свои «корочки» не выпустит.
- Полиции? — озадаченно спросил капитан.
- Подполковник Малахов. Назначен начальником отдела МВД Волговодского района.

— Начальником отдела?! — Старший наряда опустил пистолет.

А Малахов раскрыл и корочки, и предписание. Капитан бегло просмотрел документ, вытянулся в струнку. И его подчиненные попрытали оружие.

— Ох, попали вы, ребята! — сказал Павлов, глядя на спускающегося к ним Штанова.

Малахов усмехнулся. Юрий Дмитриевич не обманул его ожиданий, он шел к пристани, одетый в мундир.

— Снимайте пилотки, кепки, фуражки, — с усмешкой посоветовал Стасов.

— И мушки с пистолетов спиливайте, — ухмыльнулся Павлов.

— Звоните оперативному, капитан! — строго сказал Малахов. — Труп с явными признаками насильственной смерти, следственно-оперативную бригаду на выезд!

— Оперативники уже здесь, — вздохнул Павлов. И, глянув в сторону дома, добавил: — А пиво там!

— Что у вас тут такое? — с важными видом спросил Штанов.

На труп он глянул как на само собой разумеющееся явление, а вот внешний вид патрульных явно его рассердил.

— Первые кандидаты, Юрий Дмитриевич, — сказал Малахов. — На доску позора.

— А-а! — Штанов смерил взглядом патрульных.

Капитан растерянно захлопал глазами.

— Что за внешний вид? Фуражка, кепка... Пилотка?! Откуда у вас пилотка, товарищ сержант?

— Пилотка под каску, — усмехнулся Малахов. — Каски, противогазы, марш-бросок.

— Да! Да! Да!!! — возбудился Штанов.

— Но завтра... Товарищ капитан, звоните дежурному!

— А-а, да!

— А вы, Юрий Дмитриевич, займетесь рыбой, — сказал Малахов.

— Какой еще рыбой? — опешил Штанов.

— Соседской.

Артем велел взять под наблюдение Волчкова, а также отправил Павлова и Стасова к жене покойного. Сам же остался ждать появления следственно-оперативной группы. Чутье подсказывало, что ждать придется долго.

* * *

Твердая почва под ногами дает ощущение стабильности, а это первый признак надвигающейся деградации. Расслабишься, успокоишься, потеряешь нюх, а вместе с тем смекалку и сноровку. Все это Максим понимал, но так хотелось вернуться к твердой почве под ногами. А нет, приходится барахтаться в подвешенном состоянии. Ни долж-

ности у него, ни оружия, ни даже полномочий, о кабинете и говорить не приходится. Одно успокаивает, Стасов не в лучшем положении. Егор не унывает, и у него хвост пистолетом. Это вместо оружия.

— Гражданка Драбова? — спросил Стасов, глядя на дородную женщину в красном фланелевом халате и с полотенцем на плече.

Видимо, ее оторвали от дела, она отложила в сторону тарелку, которую протирала. А полотенце с плеча не сняла, так с ним и вышла к незванным гостям. Сейчас она нервно теребила кончик этого полотенца. Не понравился ей тон, которым обратился к ней Стасов.

А может, она уже знала о смерти мужа. Волчков божился, что никому не звонил, не говорил, но веры ему мало.

— Да, Драбова.

— А мы из полиции, — сказал Стасов.

Максим кивнул, подтверждая. Не обманул Волчков, Драбовы действительно жили неподалеку, в конце той же улицы Колхозной, где Люба сняла дом.

— Из полиции?.. Случилось что? — Женщина взялась за кончик полотенца двумя руками.

Дворняга, посаженная на цепь, гавкнула у нее за спиной и замолкла, прислушиваясь к разговору.

— Случилось. Муж у вас пропал?

- Пропал.
- А в полицию вы обращались?
- Нет, не обращалась.
- Три дня еще не прошло?
- Что, три дня не прошло?
- Как муж пропал.
- Э-э, да нет, раньше пропал...
- Когда он в Москву уехал?
- В Москву?.. Ну да, в Москву... А вы откуда знаете? — Женщина сняла полотенце с плеча.
- Да вся улица знает, что вы в Москву звонили, мужа искали. А куда, кстати, звонили?
- А вы точно из полиции?
- Нет, от Борщевика, — усмехнулся Максим.
- От Борщевика? — шарахнулась от него Драбова.
- Из полиции, конечно!.. — Стасов достал из кармана «корочки», раскрыл, показал.
- А почему от Борщевика сказали? — Женщина хмуро глянула на Максима.
- А почему вы испугались? — Стасов не сводил с нее глаз.
- Ну, вы же сказали, что от Борщевика!
- А он такой страшный?
- Страшный...
- Ваш муж его боялся?
- Может быть. — Драбова скомкала полотенце, ее руки не знали покоя.

— А в Москве не боится?.. Или Борщевик и там его может достать?

— Не знаю.

— А зачем его доставать?

— Не знаю. Вы спросили, я ответила.

— Может, у вашего мужа трения какие-то с Борщевиком? Может, он икрой не хотел с ним делиться?

— Икрой?! — разволновалась женщина.

— Да, черной икрой, которую ваш Никита в Москву возил на продажу. Браконьерская такая икорка, в баночках. — Максим смотрел на дом.

То ли новый, то ли старый кирпичом обшили, скорее второе. Кирпич элитный, крыша новая, дом смотрится если не богато, то близко к тому. Драбова проследила за его взглядом, расправила плечи, выставила грудь.

— Не знаю ничего! — заявила она и полотенце на кулак намотала, как будто собиралась кого-то ударить. Поняла вдруг, что сотрудников интересует не столько факт исчезновения мужа, сколько его незаконная деятельность. Значит, жив Никита, а уголовной вины за ним нет. Хороший дом — это не улика.

Боевой настрой хозяйки подействовал на собаку, она зашла в истерическом лае.

— Да это уже не имеет значения, — вздохнул Стасов.

— Что не имеет значения?

Собака вдруг замолкла — в предчувствии страшной новости.

— Не можем мы вашего мужа привлечь... Да вы присядьте! — Максим указал взглядом на скамейку за ее спиной.

— Зачем присесть? — Ноги у женщины подкосились сами по себе.

— Может, ничего страшного и не произошло. Может, это и не ваш муж.

— Где не мой муж? — Драбова подалась назад, рукой нащупывая скамейку.

Скомканное полотенце вывалилось из ее рук.

— Может, это не ваш муж утонул.

— Утонул?! — ахнула женщина, сдавая назад.

— Может, это вовсе не он. — Максим вошел во двор вслед за ней.

Собака на него даже не гавкнула.

— Нет, конечно!.. Никита очень хорошо плавает...

— Вот и я говорю, что ничего страшного.

— А откуда вы знаете, что Никита... что кто-то утонул? — Драбова обессиленно опустилась на скамейку.

— Да пока только предположения. Возможно, мы ошибаемся. Вот когда ваш Никита уехал в Москву? Какого числа?

— Двадцать четвертого... Нет, двадцать пятого сентября. Рано утром.

— Как поехал? — Максим повел рукой в сторону объездной дороги, на которую выходила Колхозная улица. — Через мост?

— Через мост, а как же еще?

— По прямой, на объездную, там сразу мост?

— Сразу мост.

— Один поехал или с кем-то?

— Один. Он всегда один ездил... Ездит, что я такое говорю?

— Рано утром, говорите, уехал? В котором часу?

— А как на рыбалку ездит, в два часа подъем, в три выезд.

— Кто знал, что ваш муж будет выезжать в три часа? — спросил Максим.

Драбова перехватили где-то неподалеку от дома. Перехватили, задушили, труп сбросили в реку. И тот, кто это сделал, мог знать, в какое время он будет выезжать из дома.

— Никто знал. Хотя Людка знала.

— Кто такая Людка?

— Подруга моя... А зачем вам Людка? — встрепенулась Драбова. — Вы про Никиту узнавайте, он это или не он?

— Да, да... Какая машина была у вашего мужа?

— «Форд Мондео»... А вы не знаете? — с надеждой спросила женщина.

— В полицию вы не обращались, об угоне не заявляли? — спросил Павлов.

Возможно, машину обнаружила полиция. Может, стоит сейчас где-то на штрафстоянке.

— Да нет.

— А номер, техпаспорт?

Максима интересовал и регистрационный номер, и VIN-код автомобиля. Если машину нашли, пробить ее по базам проще простого. В смартфоне у него и приложение, и специальный допуск.

— Ну, номер скажу... А техпаспорт?.. Могу принести! — Драбова поднялась, но тут же опустилась.

— Ничего, в следующий раз. — Максим успокаивающе провел рукой по ее плечу.

— И все-таки кто такая Людмила? — спросил Стасов. — Как ее найти?

— Так я же говорю, подруга моя. Людмила. Василиничева. Как ее найти... Вообще-то, она сама всегда, когда надо, находит, — невесело, но все-таки с иронией сказала Драбова. — А так она тут рядом, на Ворошилова живет, пятьдесят шестой дом.

Стасов выразительно глянул на Максима, и тот молча с ним согласился. Идти нужно к этой Людмиле, говорить с ней, прощупывать ее на вшивость. Но и Драбову оставлять нельзя. Придется разделяться.

Максим уже собирался уходить, когда в проеме открытой калитки появилась знойная женщина лет сорока, в легком плащике поверх длинного платья. Все в ней пышное: и прическа, и формы, и грудь.

А голос обволакивающий. Она смотрела на Драбову, но видела и Максима, и Стасова, и весь дом целиком. Казалось, у женщины явно было много горячих новостей.

— Вика! — выдохнула она, спиной прислоняясь к опорному столбу.

Всем своим видом она показывала, как ей больно, горько и страшно. Она смотрела на хозяйку дома, видела Максима и Егора, при этом еще любовалась и самой собой. А вдруг ей к лицу трагизм!

— Это и есть Людмила, — с ужасом глядя на женщину, пробормотала Драбова.

— Которая сама всех находит? — спросил Максим, с подозрением глядя на пышную даму.

А ведь он знал, какую новость держит в клюве эта сорока. Тот же Волчков мог разболтать о трупе, выловленном из реки. Да и просто зеваки могли подтянуться к его причалу, разглядеть и узнать покойника, растрезвонить. Людка подхватила и понесла.

— Кого я нахожу? — недовольно спросила женщина.

Но при этом с интересом окинула Максима. А взгляд цепкий, ищущий. Взгляд одинокой женщины, ищущий мужчину.

— Вы хотели что-то сказать? — Стасов медленно приблизился к Людмиле.

— Да я-то хотела...

— Что-то не очень хорошее? — Стасов взялся рукой за тот же опорный столб, к которому она прижималась спиной.

— Не очень... А вы кто?

— Капитан полиции Стасов. — Егор навис над женщиной. Он улыбался и смотрел на женщину так, будто пытался заглянуть в ее душу.

— Я так почему-то и подумала! — кивнула Василиничева, замороженно глядя на него.

— Вы хотели что-то сказать, — напомнил Стасов, взглядом указав на хозяйку дома.

— Так вы, наверное, уже сказали?

— Что сказали? — хныкающим от сильного волнения голосом спросила Драбова.

— Так это, Никита там твой! На пристани! У Волчкова.

— Живой?

— Ну, Волчков-то живой... — сокрушенно вздохнула Людмила и, оправив локон-пружинку мелко завитых волос, приклеилась взглядом к Стасову.

— А Драбов? — спросил Егор.

— А Драбов... Ну, я сама-то к покойнику не подходила...

— Какой покойник!.. Где на пристани? — побелев как мел, Драбова поднялась со скамейки.

Женщину качнуло, Максим подал ей руку, она оперлась на нее, но тут же снова опустилась на скамейку.

— Я сейчас... — пробормотала она, руками закрывая лицо.

— Горе-то какое! — проговорила Людмила.

— Беда, — тихо сказал Стасов.

— И не говорите!

— Бандиты зверствуют.

— Бандиты? — Василиничева не очень убедительно изобразила удивление.

— А кто ж еще? Поехал человек в Москву, даже отъехать от дома не успел, а его раз, и все.

Стасов совсем близко приблизил голову к женщине, Максиму пришлось подойти поближе, чтобы слышать разговор. С одной стороны, Егор вынужден был говорить тихо, чтобы не привлекать внимание Драбовой. А с другой — он своим взглядом и знойным дыханием подавлял волю Василиничевой к сопротивлению. Если таковая имелась.

— Это ужасно!

— Только бандиты и могли напасть.

— Ограбили, убили.

Максим цепко глянул на женщину. Никто не говорил ей, что Драбова ограбили. И так захотелось задать ей сопутствующий вопрос, но Стасов качнул головой, угадав его намерение, и предостерегающе посмотрел на него. Все у него под контролем, так что не надо.

— Правильно понимаете, Людмила, э-э... Я же могу называть вас по имени?

- Можете.
- Ваш муж не обидится?
- Нет у меня мужа... Раньше был, сейчас нет...
- Это хорошо.
- Что ж в этом хорошего?
- Ну, для вас, может, и не хорошо. А для меня... Муж у вас, наверное, крутой был? Крутой нрав, крутой на расправу, да?
- С чего вы взяли?
- Ну, вид у вас такой.
- Какой?
- Не потерпите вы рядом слабого мужчину, — сказал Стасов, продолжая нависать над Василиничевой.

Максиму приходилось напрягать слух, чтобы оставаться в теме разговора.

- Ну, слабых мужчин я и на самом деле не люблю, — кокетливо улыбнулась Людмила.
- Друг ваш тоже, наверное, крутой?
- Друг?
- Ну, кто-то же у вас есть?
- Может быть, и есть... А что?
- Так, все! — простонала Драбова, решительно поднимаясь со скамейки.

И на этот раз она нашла в себе силы выйти со двора и повернуть к пристани. И Максиму пришлось сопровождать ее. Стасов же остался раскручивать Людмилу. На признание.

Следственно-оперативная группа — это судмедэксперт, криминалист, уголовный розыск, инспектор-кинолог и даже участковый. Но прежде всего это следователь. Если кража или ограбление, работает следователь полиции. Если убийство, то к делу подключаются представители Следственного комитета. Следователь должен быть и даже следователь-криминалист, но ни того, ни другого Малахов не наблюдал. Группу возглавил представитель следственного отдела ОМВД. А могли бы и дознавателя отправить.

— А что я? Мне сказали, я поехал, — вздохнул майор юстиции Планидкин, невысокий, плотного телосложения мужчина. Лицо неподвижное, как будто апатичное, но взгляд живой и даже пытливый. На покойника он смотрел с интересом и без всякого отвращения. Как будто каждый день имел дело с трупами.

— Ну, работайте, если приехали.

Малахов посмотрел на судмедэксперта, который склонился над трупом. Хорошо хоть специалист от медицины подъехал. Толку от него мало, труп давний, собака след взять не сможет, место преступления неизвестно где. Так что кинолог здесь не нужен. Да и нет собаки, не привезли. Эксперт-криминалист тоже ничем не мог сейчас помочь.

— А вы, значит, к нам начальником ОВД? — спросил Планидкин, внимательно глядя на Малахова.

— Отдела МВД, — кивнул Артем. — По Волговодскому району.

— И сразу труп?

— Труп недельной давности. Неделю назад я даже не подозревал о существовании вашего города.

— Да нет, я ни в чем вас не подозреваю. Просто удивительно.

— Давайте без эмоций. Скажите лучше, что вы собираетесь делать.

— Ну, пока не ясно... Игорь Юрьевич! — Планидкин обратился к медэксперту, который осматривал шею покойного: — Его задушили?

Впрочем, он мог и не спрашивать, странгуляционная борозда просматривалась отчетливо. Драбова душили старательно, петлю на его шее затянули основательно. Или удавку. Из веревки, на конце которой потом затянули петлю. Возможно, для антуража.

Возможно, Драбова убили те же люди, которые покончили с подполковником Земским и его последователями. Преступники наловчились выдавать убийство за несчастный случай, но с Драбовым они могли действовать грубо, все равно потом концы в воду. Сначала задушили, а потом

уже придумали накинуть на шею петлю. Привычка к хитрым уловкам дала о себе знать... Такая версия имела право на существование, но Малахов не собирался делиться этими своими соображениями со следователем. Во всяком случае, сейчас.

— Я уже сорок два года Игорь Юрьевич, — прокричал высокий мужчина без единой седой волосинки в пышной шевелюре.

Высокий, в больших очках с тонкой стильной оправой. Белый халат идеально чистый, туфли начищены до блеска.

Мужчина поднялся, посмотрел на Малахова, перевел взгляд на Планидкина и оттянул резинку на правой перчатке, как будто собирался ее снимать.

— Криминальный труп, никаких в том сомнений, — сказал медэксперт.

— Может, все-таки сам? — Планидкин осторожно приложил пальцы к своему горлу.

— Его задушили.

— А петля?

— Вереvoчная петля... Задушили шнурком, а потом уже появилась веревка. С более крупным сечением.

— И камни, — сказал Малахов.

Криминалист еще брался за труп, но Артем и без него уже осмотрел куртку с внутренней стороны. Высыпались не все камни, парочка осталась. И песок оставался в складках одежды.

— Чтобы тело не всплыло, — оживился следователь.

— Чтобы не всплыло, — кивнул Малахов.

— Так, может, камень крепился к веревке.

— Веревка обрезана. Кто-то обрезал веревку.

— Ну да.

— Не думаю, что к веревке крепился камень, — поправляя очки, качнул головой медэксперт. — Не похоже, что веревка оказывала механическое воздействие на шею покойного. Точно скажу после осмотра в лаборатории.

— Может, просто веревку набросили?

— А зачем?

— Да, зачем? — поддержал эксперта следователь.

— Собирались повесить, а решили просто задушить. И удавка была, и веревка.

— Может быть, — согласился медэксперт.

— А вы что скажете, товарищ майор? — обращаясь к следователю, поинтересовался Малахов.

— Ну, что я скажу?.. Задушили человека, надо искать, где, в каком месте это сделано.

— Ищите!

— Для этого оперативники есть.

— И математики.

— Математики? — в ожидании подвоха напрягся Планидкин.

— Определить ширину реки, скорость течения, забить в расчеты плотность воды, вес тела, координаты, в которых обнаружен труп. И рассчитать координаты, в которых покойник всплыл на поверхность. После того как его утопили. Где-то возле берега. Все просто, — совершенно всерьез сказал Малахов.

— Думаете, получится?

— А можно изготовить манекен и сплавить его вниз по течению. И посмотреть, как он будет плыть, как его будет сносить течением... Вы меня понимаете?

— Ну, в общем, понимаю.

— Тогда действуйте.

— Э-э, прямо сейчас?

Артем выразительно промолчал. Он еще не вступил в должность и не имел права отдавать приказы. Но никто не мешает ему делать выводы и брать нерадивых на заметку.

— А если труп утопили не у берега?.. Мы же не знаем точно, на каком расстоянии от берега его утопили. Может, он здесь где-то всплыл. — Следователь обвел рукой пространство справа от себя.

— Обследуйте берег, ищите следы от машины.

— От какой машины?

Малахов и сам хотел знать марку и номер автомобиля, на котором Драбов отправился в Москву. И, похоже, ответ на свой вопрос он мог получить

прямо сейчас. К месту стремительно приближалась женщина, которую держал за руку Павлов.

Малахов вопросительно глянул на Макса, тот вздохнул. Да, это жена покойного, и сейчас может случиться истерика.

Но женщина даже не вскрикнула. Остановилась перед телом и тихонько всхлипнула, приложив ко рту кулак. Она не билась в истерике, просто стояла и смотрела. Можно было ничего не спрашивать, и без того видно, что жена узнала своего мужа.

Малахов передал Драбову на попечение Пландикину и вместе с Павловым отошел в сторонку.

- А Стасов где?
- Подружку Драбовой допрашивает.
- Интересно.
- Похоже, там что-то наклевывается.
- Нормально.

Стасов не слыл бабским угодником, за женщиной не волочился, во всяком случае, Артем не помнил такого за ним. Но и в число скромников он точно не входил. До женитьбы, говорят, ни одной юбки мимо себя не пропускал, это уже после свадьбы он остепенился. Видимо, жена нашла к нему подход. Но сейчас-то Егор временно холостой.

— Да Василиничева эта Людмила дама не простая, дружбу с крутыми парнями водит. Она единственная, кто знал, когда Драбов будет выезжать в Москву.

— Уверен?

— Ну, может, и не единственная. Но точно знала... Стасов сейчас выясняет, с кем конкретно она дружит.

— Аккуратно нужно вытаскивать, — в раздумье сказал Артем. — Чтобы не сорвалось.

Подруга Драбовой действительно могла стать причиной трагедии. Даже десять килограммов икры — это как минимум двести тысяч рублей. А Драбов мог взять с собой целый центнер. А там, где большие деньги, там преступный замысел.

— Да не сорвется, нормально все будет... Я пойду?

— Давай, Макс, давай. Это наше первое дело, облажаться нам никак нельзя.

— Если нельзя, то не облажаемся!

Павлов ушел, а Малахов занялся Драбовой. Он, может, и начальник районного отдела, но в душе как был, так и остался опером. И ничуть не потерял интереса к своей работе. И охотничий азарт в нем не остыл. Возможно, он выйдет на след преступника еще раньше, чем его помощники.

Глава 3

Тепло, сухо, листья над головой шелестят на слабом приятном ветру, навевают сон. Люба борща наварила, голубцов налепила, накормила до от-